ВАЛЕНТИНА КОРДЕС

В. Л. ШАНЦЕР-МАРАТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

1927 г. № 10—12

ВАЛЕНТИНА КОРДЕС

В. Л. ШАНЦЕР-МАРАТ

С предисловием ФЕЛИКСА КОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1928

Главлит № А—1562
Тираж 7000 экз

Зак № 1897

В. Л. Шанцер—Марат

По окончании университета

В годы Ачинской ссылки

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И губит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей“.

Написавший это Державин, несомненно, не прав. Не все дела, не всех людей.

Но что многих—это несомненно, в особенности, если это «дела» подпольных работников, действительные фамилии которых по конспиративным соображениям скрывались даже от товарищей по делу.

Многие из этих имен погибли в «пропасти забвенья», и о них рабочий класс узнает лишь когда-нибудь впоследствии по записям летописцев департамента полиции, но и это только в том случае, если дела об них не были преданы пламени охранниками, в момент революций уничтожавшими архивы из опасения, чтобы собранные ими сведения не попали в руки революционеров.

Покойный Шанцер-Марат принадлежит к числу тех, о которых до сих пор мало, весьма мало изве-

стно современному поколению А между тем это был один из самых пламенных революционеров, один из первых сеятелей революционного марксизма, борец, до самозабвенья преданный делу борьбы за освобождение рабочего класса.

Тов Кардес тщательно собрала доступный в настоящее время материал о нем, и в ее очерке как бы воскресает этот деятель, окруженный на работе, в тюрьме и в ссылке уважением и любовью всех приходивших с ним в соприкосновение.

Перед нами тип подпольщика прежних времен, тип, встречающийся уже все реже и реже, тип, с которым современному поколению следует познакомиться, как с типом тех, по трупам которых рабочий класс пришел к победе

Феликс Кон.

В. Л. ШАНЦЕР-МАРАТ

В истории революции 1905 года Москва сыграла выдающуюся роль

Она первая начала в октябре всеобщую забастовку и в декабре подняла вооруженное восстание.

Московские рабочие проявили чудеса храбрости и беззаветную преданность делу революции

Одним из главных руководителей и вдохновителей революционной борьбы в Москве был Виргилий Леонович Шанцер.

Товарищи прозвали его Маратом.

Тов Шанцер был такой же пламенный, несокрушимый борец, как знаменитый вождь Великой французской революции

Так же, как он, Шанцер не знал уступок и колебаний в революционной борьбе и об'являл беспощадную войну всему и всем, что мешало делу революции.

В своих воспоминаниях о В Л Шанцере товарищи по работе так рисуют его образ:

«Всегда всклокоченный, всегда небрежно одетый, длинный, нескладный, со странным некрасивым лицом, всегда весь в движении, т. Шанцер-Марат при первом взгляде производил страшное, трудно передаваемое впечатление. Чувствовалась

в нем какая-то сила, но в то же время казался он взрослым ребенком».

«Суровый и застенчивый, он сразу преображался, когда начинал говорить».

Увлекаясь разговором, он вскакивал, бегал по комнате, кричал и страшно размахивал руками, так что собеседникам приходилось отодвигаться от него подальше.

Чрезвычайно подвижной,—«казалось, минуты не просидит на месте»,—он, однако, на редкость был трудолюбив и усидчив в работе.

Благодаря этим качествам и прекрасной памяти, он обладал огромными знаниями, очень ценными для партийной работы.

О себе он не хотел и не умел заботиться.

Для Виргилия Леоновича не существовало ничего «своего». Все деньги, которые он зарабатывал, все вещи, какие он имел, принадлежали всем товарищам, которые в них нуждались. Он буквально готов был снять с себя последнюю рубашку

Ко всем подходил он, как равный, удивительно просто и задушевно.

Но при всей своей мягкости и доброте Шанцер резко и непримиримо относился к малейшему проявлению подлости или низости

Тут уж он не знал пощады.

Всегда прямолинейный, он никогда ни перед кем не скрывал своего искреннего мнения.

Этот резкий, суровый по виду человек, всей душой отдававшийся делу революции, умел быть подетски весел В краткие минуты отдыха Шанцер заставлял товарищей смеяться до упаду, мастерски рассказывая им разные смешные истории.

В тяжелые минуты не раз поддерживал он бодрость своими веселыми, остроумными шутками.

Всюду, где бы ни приходилось быть тов Шанцеру,—на воле, в тюрьме, в ссылке,—он являлся для окружающих его товарищей ценным руководителем, заботливым другом, и всюду его окружали глубокая любовь и уважение.

Приношу глубокую благодарность т. т. Н. Ф. Шанцер, Е. Г. Левицкой, К. А. Попову, З. Литвин-Седому, Д. Сурнц, П. Н. Малянтовичу, В. Н. Малянтовичу, Станиславу Вольскому, поделившимся со мной своими личными воспоминаниями о В. Л. Шанцере и тем помогшим мне восстановить для грядущей смены образ одного из пламеннейших борцов нашей первой революции.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДО РЕВОЛЮЦИИ.
(1867—1904 г. г.)

ГЛАВА I.

Гимназические годы.

Родился Виргилий Леонович Шанцер в 1867 году недалеко от города Одессы, в колонии Шабо. О своем происхождении он говорит так. «мать француженка, отец поляк, а я—настоящий русский». И, действительно, только наружность выдавала в нем иностранца.

Родители его жили небогато, и чем дальше, тем хуже, и Виргилию рано пришлось стать опорой семьи.

О первых годах его жизни почти ничего неизвестно; мало сохранилось воспоминаний и о его гимназических годах.

Живой, способный мальчик сильно страдал от тяжелой гнетущей гимназической жизни. Постоянно у него происходили стычки с учителями, с гимназическим начальством.

Гроза гимназистов — чех, преподаватель латыни, часто грозил Шанцеру указательным пальцем и, качая головой, торжественно провозглашал:

— Успехи хороши—но поведение?(..

О своих гимназических годах В. Л. любил рассказывать в веселую минуту и так блестяще пере-

дразнивал нелепые выходки и речи почтенных педагогов, что слушатели покатывались со смеху. Смеялся и сам Шанцер, но в гимназическую пору было не до смеха.

Главной целью гимназической учебы в то время было воспитать исполнительных чиновников, не привыкших рассуждать, а лишь покорно исполняющих приказания начальства.

Гимназия была 8-летней тюрьмой, где калечились молодые души. Учителя — озлобленные, зачастую невежественные, чинуши, позволявшие себе грубые издевательства над учениками. Так, про учителя латыни Виргилий Леонович рассказывал следующее:

— Вызовет к кафедре сразу несколько человек и начнет, растягивая слова, цедить: «Вот, Петров будет нам отвечать, а Иванов, Сидоров, Ляченко будут помогать. Ну, начнем»... Задает вопросы и все время пересыпает их шуточками и прибауточками, от которых слезы подступают к горлу и руки тянутся дать оплеуху почтенному преподавателю. А учитель, издеваясь над вызванными, зорко следит за классом, выискивая новую жертву, и как только заметит, что кто-нибудь из мальчуганов волнуется, боясь, что его вызовут, замурлыкает ласково с кафедры: «Ах, Н., я вижу, вы страстно желаете отвечать. Пожалуйте, пожалуйте, я сделаю вам такое удовольствие».

От детей требовалась лишь бессмысленная зубрежка да безпрекословное подчинение жестокой дисциплине. Слабые покорялись, тупели; более сильные, живые протестовали, насколько могли, против бессмысленного гнета и пытались за стенами гимназии найти удовлетворение своим живым интересам и запросам.

В эту пору Шанцер завязал первое знакомство с революционерами.

Подробностей об этом нет, известно только, что по окончании гимназии он сейчас же был арестован и два месяца просидел в тюрьме.

Это первое заключение не испугало юношу, но навсегда решило его судьбу. Виргилий, выйдя из тюрьмы, не только не прекратил своей революционной деятельности, но отдал ей всю свою жизнь.

Интересный случай из жизни того времени рассказывает один из его друзей [1].

У отца был маленький винный завод. Как-то на каникулы Виргилий приехал домой Отцу очень нездоровилось и он попросил сына заменить его несколько дней на заводе.

Виргилий согласился, но отцу от его помощи пришлось весьма солоно.

Молодой хозяин с первых же дней сблизился с рабочими, об'яснил им, что отец их эксплоатирует, и предложил рабочим об'явить забастовку, чтобы добиться лучших условий труда.

Когда старик Шанцер узнал об этом, то, несмотря на нездоровье, явился на завод, а своему помощнику предложил немедленно вернуться в гимназию до окончания каникул.

Так, с ранних лет сочувствие Виргилия было на стороне рабочего класса, и до конца жизни он горячо и стойко боролся за его интересы.

После двух месяцев тюрьмы Шанцер был выслан в местечко Аккерман, где жили его родители, под гласный надзор полиции. Здесь ему пришлось прожить несколько лет

Виргилий мечтал по окончании гимназии попасть в университет, но сперва арест, а потом тяжелая нужда мешали осуществить эти мечты

[1] Малятович

Отец становился стар, не мог уже добывать достаточно средств к существованию, и Виргилию приходилось поддерживать семью

Уроки, уроки, уроки...

С утра до вечера ходит Шанцер по домам, занимаясь с ленивыми и тупыми ребятами зажиточных обывателей и получая за свой скучный утомительный труд жалкие гроши.

Надзор полиции делает жизнь еще более тяжелой.

Но Виргилий, как говорится, не вешает носа.

Не любил он ныть и плакаться. Ни тогда, ни в последующую пору никто не слыхал от него жалоб, как бы тяжело и плохо ему подчас и ни приходилось.

Те, кто встречался с ним в годы его жизни в Аккермане, говорят, что Виргилий был тогда живым юношей, любившим длинные разговоры и споры

За свои знакомства и пропаганду среди рабочих он был снова арестован и посажен в тюрьму.

Но заключение на этот раз было не из тяжелых тюремное начальство предложило Шанцеру отбывать его не в камере, а в канцелярии для помощи в работе

По вечерам к Виргилию приходили товарищи, вместе читали сочинения Маркса и другие книги и вели бесконечные споры. По уходе товарищей арестант запирался в канцелярии На пасху начальник тюрьмы отпустил его домой на несколько дней с тем, чтобы после праздников он опять вернулся отсиживать в канцелярии свой срок

ГЛАВА II

В университете.

Наконец, в 1893 году Шанцеру удается поступить в университет

В качестве «неблагонадежного» он не мог попасть ни в один из больших столичных университетов, так как для приема туда требовалось, кроме гимназического аттестата, хотя бы и самого блестящего, еще и свидетельство о благонадежности. А такого свидетельства Шанцеру местная полиция выдать не соглашалась.

Поэтому, Шанцеру пришлось поступить в Дерптский [1] университет, который не требовал свидетельства о благонадежности.

Вообще Дерптский университет был как бы местом ссылки, куда направлялись студенты, исключенные из других университетов за «зловредный образ мысли» и за «дурное поведение» (пьянство, бесчестные поступки) И большинство студентов Дерптского университета так и делилось на две группы — «зловредно думающих» и «дурно поступающих»; и обе группы продолжали в университете свою прежнюю жизнь.

«Неблагонадежные» имели свое студенческое общество — «Конкордия»; собирались для совместных чтений, бесед и докладов по общественно-политическим вопросам А вторая группа образовала два общества: «Зеленый Змий» и «Белый Слон», в которых шло безобразное пьянство, картежная игра и т. д Кроме того, члены этих двух последних обществ постоянно устраивали уличные скандалы, позволяя себе всякие хулиганские выходки.

Шанцер вскоре после своего прибытия вошел в общество «Конкордия» и сразу занял там руководящую роль. Молодежь горячо полюбила его, уважая его обширные знания и увлекаясь его блестящими речами.

[1] Дерпт—(Юрьев) в Эстонии.

Через некоторое время Шанцер с несколькими товарищами образовал «Общество марксистов», которое серьезно занялось изучением общественно-политических наук.

Первое время и Виргилий, и его товарищи просто сторонились членов «Белого Слона» и «Зеленого Змия»; но, видя гибельное влияние их на молодых студентов, решили вмешаться и положить конец творящимся безобразиям.

Тов К Попов (тов Виргилия Леоновича по университету) рассказывает, что было созвано большое студенческое собрание, продолжавшееся два дня, на котором было устроено нечто в роде суда над членами «Белого Слона» и «Зеленого Змия». Тов. Шанцер выступал с обвинительной речью

«Не помню, — говорит Попов, — чтобы когда-нибудь раньше или позже я слышал более блестящую обвинительную речь, чем эти огневые, бичующие, полные сарказма речи Шанцера, увлекшие за собою всю студенческую массу и похоронившие «Белого Слона» вместе с «Зеленым Змием», кажется, навсегда».

Речь Шанцера произвела на студентов такое сильное впечатление, что было постановлено уничтожить оба хулиганские общества.

Шанцер сильно тосковал в Дерпте, тесно ему было в этом маленьком, сонном городке, — он чувствовал в себе силы для большой борьбы, для большого дела.

Но раз нет еще самой борьбы, надо использовать время на подготовку к ней. И Шанцер с головой уходит в книги, вырабатывая из себя серьезного пропагандиста и агитатора. Человек, который «минуты, казалось, не мог пробыть без движения», дни и ночи проводит над книгами, накопляя знания для будущей борьбы

Профессора с большим уважением и интересом относились к молодому студенту, а один из них прямо побаивался его выступлений на своих лекциях. Молодой студент задавал такие трудные и сложные вопросы, что профессор не всегда мог с честью для себя на них ответить.

Из Виргилия мог выйти крупный ученый, но не кабинетная работа привлекала его.

Слишком живая, кипучая натура была у него, слишком сильно болел он душой при виде гнета и бесправия рабочего класса, чтобы, сидя спокойно в тиши кабинета, писать ученые книги. Все его существо стремилось к борьбе, к кипучей работе за дело освобождения рабочего класса. Его мечтой была работа в подполье, но такой работы в Дерпте не было, и Шанцеру приходилось ограничиваться помощью в устройстве вечеров и концертов для добывания денег в пользу «Кассы помощи русской революции» да писанием статей в нескольких провинциальных газетах.

ГЛАВА III

После университета.

Наконец, университет окончен.

Профессора и товарищи пророчат Шанцеру блестящее будущее.

Окончившие раз'езжаются в разные стороны. Большинство едет в столичные и большие города, имея средства и связи, устраиваются там на работу. Виргилий не имеет ни того, ни другого. Кроме того, отец совсем не может зарабатывать, и все заботы о семье переходят на одного Виргилия, которому пришлось взяться за уроки.

Поселившись в Одессе, он целые дни бегает по городу, занимаясь этим нелюбимым делом

Своим друзьям он писал [1]: «Целехонький день я на уроках, а не набирать их я не могу, так как нужно прокормить семью. Мой батюшка без места, и единственным пропитанием являются мои доходы. Хуже всего то, что я впереди ничего, кроме уроков, не вижу».

Шанцер хотел записаться работать при суде, как юрист, но для этого требовалось опять-таки свидетельство о политической благонадежности, которого он не мог получить. «Таким образом, надежды на другую профессию рушились.

Уроки отнимают все время, некогда даже читать, ведь от 9 утра до 10 вечера я занят на уроках, боюсь, как бы еще в малограмотные не попасть».

Но и тут Виргилий не хочет ныть и жаловаться и заканчивает письмо так: «Писать абсолютно нечего. Не заполнять же письмо охами да вздохами».

И все же Шанцер ухитрялся вырывать из своего занятого дня часть времени для революционной работы.

В чем она состояла, точно неизвестно, но из материалов, хранящихся в полицейских архивах, мы знаем, что «в 1895 году Шанцер был привлечен к дознанию по делу о тайном революционном обществе г. Одессы». Это дело было прекращено за недостатком улик, и полицейские материалы о нем нам ничего больше не дают.

Два года тянулась тяжелая жизнь в Одессе.

В 1900 году он переехал в Москву.

Товарищ его по Дерптскому университету В. Н. Малянтович рекомендовал его своему брату П. Н. Малянтовичу, видному московскому адвокату, и тот пригласил Шанцера к себе помощником

[1] Письмо к Левицким.

Эта встреча имела для обоих большое значение. Между Виргилием Леоновичем и П. Н. возникла большая глубокая дружба.

Мадянтович стал самым любящим и преданным другом Виргилия Леоновича, помогавшим ему во всех трудных случаях жизни, а после его смерти долгие годы поддерживал оставшуюся в тяжелых материальных условиях семью своего друга.

Шанцер надеялся, что с переездом в Москву ему удастся устроить свою жизнь согласно своим желаниям, т.-е. принять активное участие в революционной борьбе.

Но это ему не сразу удалось, и снова потянулись серые будни скучной утомительной работы ради куска хлеба.

Продолжала преследовать материальная нужда. Нужны были средства на первоначальное обзаведение.

Дорого стоило адвокатское свидетельство, и Шанцер долго не брал его из-за отсутствия денег.

Нужен был фрак. «Хочу в рассрочку его как-нибудь заказать, — пишет он друзьям — Это орудие адвокатского ремесла крайне необходимо, без него шагу ступить нельзя»

Мягкого, деликатного, его не раз надували неблагодарные клиенты «Имел два дела, за одно получил 25 рублей, а за другое ничего — так как клиент надул» [1].

Время шло, а материальные дела Виргилия Леоновича не поправлялись. Хотя занятие адвокатурой и считалось подчас очень доходным, но Виргилий Леонович избегал «доходных дел», так как для ведения их в большинстве случаев требовалось

[1] Письмо к Левицким

кривить совестью, поступаться своими убеждениями. В одном письме к друзьям, которые называли адвокатскую деятельность «грязной», он пишет:

«Есть и не грязные, а противные убеждениям дела, ну, таких не бери. Правда, тогда ты, вероятно, всегда не много заработаешь, но зато будешь покоен совестью».

И заработок его всегда был не велик, все время ему приходилось жить в нужде.

С радостью берется он за всякое дело, где можно защитить интересы рабочих. Но такие дела были редки, и в письмах к друзьям он пишет, что начинает разочаровываться в адвокатской деятельности. Он заводит знакомства с местными революционерами, социал-демократами и входит в их работу. Это обстоятельство его очень радует, и он пишет друзьям, что теперь «надеется жить по-человечески».

Виргилий Леонович принял участие в работе социал-демократического кружка «интеллигентов-пропагандистов», ведших пропаганду среди рабочих и снабжавших их нелегальной литературой.

Но работа эта продолжалась недолго, так как она была прервана арестом Виргилия Леоновича.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях тов. Степанов [1].

«В 1901 году московская организация с.-д. была совершенно разгромлена. Приходилось всю работу начинать с начала. Единственный уцелевший на свободе член Московского комитета тов. Никифоров решил создать новый комитет партии.

Для этого он 27 сентября пригласил к себе на квартиру несколько человек, в том числе и Виргилия Леоновича Шанцера.

---

[1] Из воспоминаний (Сбор. „На заре рабочего движения в Москве", под ред. Овсянникова стр. 25—116)

Когда все собрались, тов. Никифоров шутливо заявил:

— Товарищи, честь имею представиться — Московский комитет с.-д. партии. Кооптирую всех вас.

Таким образом, был создан новый комитет с.-д., но существование его было очень кратковременно. Не прошло и 1½ часов после его избрания, как раздались сильнейшие звонки в парадные и черные двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городовых и охранников. Все собравшиеся были арестованы и препровождены в тюрьмы».

ГЛАВА IV.

Первая ссылка.

17 января 1902 года Шанцер был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на 3 года. Сначала Виргилий Леонович жил в небольшом селе, потом удалось устроиться в городе Ачинске.

Здесь он ведет кипучую работу. Он добивается разрешения заниматься адвокатской практикой и постоянно завален делами.

Виргилий Леонович вел несколько кружков с ссыльными, готовя из них более серьезных и сознательных борцов, и, наконец, всеми силами способствовал побегам товарищей. Всегда занятый, всегда за работой, окруженный глубокой любовью и уважением товарищей, Виргилий Леонович все же страстно тосковал в ссылке и незадолго до срока пытался бежать.

Попытка была неудачна.

Полиция схватила его уже довольно далеко от Ачинска.

О жизни Виргилия Леоновича в Ачинске интересны воспоминания товарища Суриц[1], бывшей одновременно с ним в ссылке.

«Вся компания почти целиком жила на средства Виргилия Леоновича, так как он почти один из нас имел хороший заработок, занимаясь адвокатской практикой. В городе он пользовался известностью и любовью, и когда выступал, то зала суда была переполнена людьми, желавшими его послушать Вид у Виргилия Леоновича подчас был нелепый Фрак (который он брал на прокат для выступлений) всегда слишком узкий, рукава коротки и из-под них торчат во-всю широкие манжеты на непомерно длинных руках. Воротничек и галстук всегда на боку. Вз'ерошенные волосы стоят дыбом, очки сползли на нос.

Странная, нелепая фигура.. Но начнет он говорить, и все смешное, нелепое изчезает. Слушатели затаивают дыхание, очарованные блеском и страстностью его речи. И не было случая, чтобы обвиняемый не был оправдан.

Правда, Виргилий Леонович остался верен себе и никогда не брался он защищать людей, в правоте которых не был вполне уверен

Зарабатывая подчас большие деньги, Виргилий Леонович жил необычайно скромно, даже бедно У него не было никаких вещей, даже одежда была та, что на нем. Как только заводилось что-либо, сейчас же отдавал кому-нибудь из нуждавшихся товарищей

В этом отношении он был истинным коммунистом и для себя не признавал никакой собственности.

---

[1] Суриц, бывшая Залкинд.

Группа ссыльных Ачинска 1902 г + В. Л. Шанцер—Марат

Все, что у него было, что он зарабатывал, принадлежало всем товарищам, какие в том нуждались.

Бывало придет домой с получкой и начнет вытаскивать из разных карманов письма, записки товарищей с просьбой о помощи.

— Ну, Дыбун — так звал он Дебору Суриц — составляй список.

Дыбун составляла по этим запискам список, и деньги из кармана Виргилия Леоновича расходились далеко по всей ссылке.

«Помню, — рассказывает она, — как огорчен был однажды Виргилий Леонович, когда получил откуда-то издалека просьбу о помощи от одного ссыльного рабочего, бывшего своего ученика, а у него в этот момент совершенно не было денег. Зато при первой получке он снял, посылая этому рабочему значительную часть своего заработка.

Виргилий Леонович не выносил порядка, как мы его понимаем. В комнате у него всегда все стояло вверх дном.

Одна из ссыльных, желая сделать приятное Виргилию Леоновичу, несколько раз пыталась привести его комнату в порядок, главным образом, письменный стол, на котором были раскинуты всякие папки, записки, бумаги. Она много потрудилась, что бы собрать и сложить их в одну стройную кучку.

Но когда «Бергиша» (так сокращенно звали ближние друзья Виргилия Леоновича) увидел этот порядок, он пришел прямо в неистовство.

— Это что за безобразие! Кто сделал этот б е с п о р я д о к? Теперь я ни одного дела не смогу найти, — кричал он, размахивая руками и бегая из угла в угол по комнате; кажется, в тот момент он способен был поколотить виновницу, разрушившую его порядок

Через Виргилия Леоновича проходили все побеги не только из Ачинска, но почти изо всей ссылки.

Устраивал он их и сам, и те, кто бежал издалека, всегда находили приют и помощь у Виргилия Леоновича.

У него и тов. Никифорова было как бы «бюро для побегов».

Обыкновенно получалось извещение, что тогда-то прибудет с поездом такой-то товарищ, приметы такие-то (или особенная шапка, или заметное пальто и т. п.); кто-либо из молодежи посылался на вокзал для встречи и привозил товарища к Виргилию Леоновичу или Никифорову.

Однажды привезли с вокзала товарища, совсем больного. «С какой заботой и лаской ухаживал за ним В. Л., хотя видел человека впервые, — рассказывает Суриц. — Отпаивал малиной, укрыл несколькими шубами, а наутро отправил дальше».

Для всех ссыльных, попадавших в Ачинск на поселение или только проходивших через него, Виргилий Леонович являлся неизменным помощником, делавшим все возможное для облегчения их печальной участи.

У Шанцера совершенно отсутствовало чувство эгоизма, он не понимал, что ради него кто-нибудь в чем-нибудь должен стеснить себя.

«Бывали случаи: придет он совершенно измученный, усталый; только приляжет отдохнуть, вдруг прибегут Верочка или Левушка (дети Никифорова) и начнут теребить его. Скажешь детям: «Уйдите, не шумите, Бергиша устал», а он сердится

— Как можно детей стеснять, что из того, что я устал, раз им хочется шуметь, пусть шумят».

Никогда не отталкивал он от себя ребенка, если тот шел к нему хотя бы с самым малейшим пу-

стяком, и всегда чрезвычайно ласково и внимательно относился он к своим маленьким друзьям.

Виргилий Леонович был прекрасным педагогом.

С Левушкой Никифоровым, девятилетним мальчиком, он занимался по истории и географии и так увлекательно вел занятия, что эти предметы навсегда остались для мальчика самыми любимыми.

Младшая же сестренка Левушки, Верочка, шести лет, часами сидела, не шевелясь, в комнате, с интересом слушая рассказы «Бергиши».

Здесь же в Ачинске Виргилий заставил плясать всех вокруг елки под свою «Карманьолу».

Детишки Никифоровы устроили елку, музыки, конечно, не было никакой, и дети стали теребить Виргилия Леоновича: «Бергиша, спой нам, чтобы весело было».

«Бергиша» схватил ребят за руки и, прыгая вокруг елки, запел «Карманьолу».

«У Виргилия Леоновича совсем не было голоса», — рассказывает Суриц, — но пел он «Карманьолу» так весело, с таким увлечением, что невозможно было усидеть на месте. Так и подмывало пуститься в пляс, и никто не выдерживал.

Один за другим к ребятишкам присоединились взрослые, под конец даже сам неподвижный, неуклюжий Никифоров, которого трудно было поднять даже с постели, присоединился к общему хороводу.

Никогда в жизни я не видела такой веселой елки, как тогда».

ГЛАВА V

Вторая ссылка.

За побег и «вредное влияние на ссыльных» Виргилий Леонович был выслан еще дальше на север, в Якутскую область.

По дороге, в Иркутской тюрьме, Шанцер встретил своего товарища по университету, К. Попова.

Начав обычное перестукивание [1], Попов, к своей радости, узнал, что рядом сидит Шанцер, которого он не видел 5 лет.

Друзья добились совместной прогулки, а потом и перевода в одну камеру.

Оба были рады убедиться, что каждый из них остался верен клятве, которую, расставаясь по окончании университета, дали друг другу члены «Общества марксистов»: «Отдать всю жизнь борьбе за дело рабочего класса».

Настроение у обоих было скверное. Оба сильно нервничали и волновались, не понимая, почему их задерживают в тюрьме, когда им обоим полагалось ехать в далекую ссылку.

Сидеть в Иркутской тюрьме было особенно тяжело из-за страшной грязи в ней.

Заключенных буквально заедали блохи.

Друзья в шутку прозвали одну из камер «большим блошиным заводом», другую — «малым блошиным заводом».

А тут еще с воли доходили зловещие слухи о жестоких расправах с ссыльными, которых везли на лодках в Якутскую область.

Слухи, правда, были несколько преувеличены, но, действительно, у партии ссыльных, отправлен-

1 В тюрьме политические арестанты разговаривают путем перестукивания через стену.

ных незадолго до того времени, произошло кровавое столкновение с везшим их конвоем.

Произошло это следующим образом[1].

Ссыльных везли на паузке (большая крытая лодка). Офицер с частью конвоя ехал позади на другой лодке.

Один из ссыльных — тов. Щепетов — решил бежать.

Для этого он притворился больным и при утренней и вечерней поверке лежал неподвижно, укрыв голову пальто, из-под которого торчали лишь его сапоги.

Щепетов не откликался, когда часовой выкрикивал его фамилию.

«Больной», — говорили товарищи. Часовые привыкли к молчанию и неподвижности Щепетова.

Однажды ночью, когда паузок стоял около берега, больной навсегда ушел с лодки.

Но наутро, на том месте, где обычно находился Щепетов, попрежнему лежала укрывавшаяся пальто фигура, попрежнему торчали из-под пальто сапоги, и часовому, делавшему обычную перекличку, и в голову не приходило, что сапоги пусты, а под пальто лежит свернутое из тряпок чучело.

Так прошло несколько дней.

Когда, по предположению товарищей, Щепетов был уже в безопасности, ссыльные решили «схоронить концы» и разыграли для этого маленькую комедию.

Однажды, в темную бурную ночь, с палубы лодки что-то грузно шлепнулось в воду. Несколько ссыльных, стоявших у борта, подняли отчаянный крик:

— Упал, упал, утонул! Спасайте!...

[1] По воспоминаниям К. Попова.

Поднялись суматоха, крик, плач. Двое ссыльных бросились в воду «спасать» погибающего товарища.

Конвойные последовали их примеру, долго искали утонувшего, но, конечно, безрезультатно, так как в воду был сброшен мешок с камнями.

Веселые ложились спать в эту ночь ссыльные, радуясь счастливо окончившемуся побегу товарища.

Но наутро оказалось, что еще не все кончено

Накануне офицера, командовавшего конвойными, не было, так как он находился на своей лодке. Утром же он явился расследовать происшествие.

Он не верил рассказу о гибели Щепетова, предполагая, что тот спрятан где-нибудь в лодке

Вне себя от злобы, он приказывает ссыльным выстроиться на палубе, в бешенстве бегает взад и вперед, держа в одной руке револьвер, в другой нагайку (иначе он вообще к ссыльным не являлся)

На голову ссыльных летят самые гнусные ругательства и угрозы, и, наконец, офицер исступленно кричит:

— Перепорю мерзавцев!

Ссыльные стоят на палубе, бледные, со стиснутыми зубами и уговаривая друг друга не отвечать негодяю

Но некоторые не выдерживают и отвечают офицеру крепким словом..

Тот захлебывается от бешенства и приказывает конвою нарезать прутьев для порки

Конвой повинуется.

Когда прутья нарезаны, офицер кричит

— Вывести на берег эту сволочь!

Ссыльные колеблются, но быстро решают итти, чтобы там, на берегу, сопротивляться гнусному приказу офицера не на жизнь, а на смерть.

«В мрачном молчании, безоружные, но готовые на самую отчаянную схватку с конвоем, под крики и ругательства офицера, спустились они со сходен на берег.

Офицер понимает это молчаливое решение скорее умереть, чем позволить издеваться над собою, и не решается исполнить свою угрозу. Он командует.

— Обыскать паузок!

И сам с частью конвоя бегает и рыщет по всему паузку, заглядывая в каждую щель, прокалывая штыками корзины, постели, подушки, все, в чем может быть спрятан хоть годовалый ребенок»

Никого не находят.

Приходится составить протокол о несчастном случае: «утонул арестант Щепетов».

Лоцман паузка подписывает протокол в качестве понятого.

Шанцеру и Попову пришлось ехать вскоре с этим лоцманом, и на их расспросы он, усмехаясь, ответил

— Да, утонул, подписывал я протокол. Ну, да известно, как утонул...

Издевательства офицера над партией не прекратились.

На следующей остановке ссыльные сошли на берег, как обычно водилось, местные ссыльные вышли их встретить.

Но офицер свиданья не разрешил.

Ехавшая партия заявила, что не сядет на паузок, пока не состоится свидание.

Тогда офицер приказывает загнать ее штыками.

«Начинается дикая расправа: прикладами и штыками людей загоняют с берега в воду, оттуда по узкой сходне на палубу.

Избитые, израненные, вталкиваются они на паузок. Один из партии, Либерман, получил при этом шестнадцать штыковых ран».

Но этого офицеру было мало, и он начал преследовать молодую девушку, общую любимицу ссыльных.

Он требовал, чтобы она приехала к нему на лодку, а когда ссыльные не пустили ее, офицер тихонько ночью с конвоем под'ехал к паузку в надежде похитить ее. Оставив вооруженный конвой на носу, он сам прокрался к женскому отделению, но тут вместо девушки встретил одного из ссыльных, тов. Минского, сторожившего женское отделение.

Прежде, чем офицер опомнился, тот выстрелил в него из револьвера, и офицер упал мертвый.

Поднялась суматоха. Старший из солдат растерянно кричит: «Пли!».

Солдаты стреляют.

Выбежавший на шум товарищ падает с простреленным сердцем.

Тогда тов. Минский, убивший офицера, кричит — Товарищи, стойте, не стреляйте! Берите меня и мой револьвер, но не стреляйте!

Солдаты опустили ружья и арестовали его.

В ближайшем селении состоялись похороны.

«Полиция и конвой с военной музыкой хоронили офицера; местная колония ссыльных и партия переселенцев хоронили убитого товарища, с венками от РС-ДРП и революционными песнями».

Весть об этой тяжелой истории разнеслась по всей ссылке.

Дошла она и до Иркутской тюрьмы, где сидели Шанцер и Попов.

Виргилий Леонович не мог дольше выносить бессмысленного сидения в тюрьме. Он, Попов и еще несколько человек, задержанных здесь неиз-

вестно почему, послали протест иркутскому губернатору, требуя немедленной отправки и угрожая в противном случае голодовкой.

Это произвело впечатление, и через несколько дней партия была вывезена из Иркутска

Пройдя верст тридцать, они соединились с другой партией, направлявшейся к Якутску.

Предстояло сделать большое путешествие по реке Лене на паузке

На первой же остановке партия стала обсуждать вопрос о том, добиваться ли свиданий с ссыльными тех местечек, мимо которых будут проезжать, или нет.

Существовавший обычай встречаться едущим ссыльным с местными тем и другим доставлял единственные радостные минуты. Происходили встречи старых товарищей, передавали вести с воли, получали указания и советы для побега

И вот, генерал-губернатор Кутаисов издал циркуляр, по которому ссыльным запрещалось самовольно оставлять место жительства, и тем самым не давал возможности выходить встречать проезжающих ссыльных.

Этот циркуляр глубоко возмутил всех ссыльных, и решено было не подчиняться ему На каждой остановке местные ссыльные все же выходили к проезжающим паузкам, а едущие на них всячески добивались подхода паузка к берегу.

В партии, в которой отправлялся Шанцер, ехало несколько семейных ссыльных с маленькими детьми У нас на памяти было кровавое столкновение предшествующей партии с конвоем

Молодежь настаивала на протесте, но старшие товарищи полагали, что протест ни к чему не приведет, и не хотели рисковать детьми.

Товарищу Шанцеру было поручено убедить собрание воздержаться от протеста

Тяжело было Виргилию Леоновичу, человеку действия, человеку борьбы, призывать к молчаливому подчинению.

Но, взявшись за это дело, он выполнил его прекрасно.

Шанцер умел убеждать своими речами слушателей. Так и теперь: все единогласно согласились покориться. Но не легко далось это решение, и настроение у всех было унылое, подавленное.

Однако, на первой же остановке свидание состоялось без особенных затруднений.

Офицер, сопровождавший партию, оказался очень добродушным человеком и не захотел лишать ссыльных радости свидания с товарищами.

Да и вообще поездка первое время походила на мирное путешествие. Офицер разрешал ссыльным гулять на остановках, заходить в селения и ни в чем не стеснял их. Ссыльные чувствовали себя хорошо.

Часто даже на палубе раздавался веселый дружный смех арестантов и конвоя, это Шанцер занимал товарищей своими рассказами.

Виргилий Леонович был прекрасным рассказчиком. С неподражаемым юмором передавал он целые страницы из Щедрина, рассказы Горбунова, воспоминания из своих гимназических лет, забавные случаи из адвокатской практики.

Этими рассказами он приобрел большое расположение не только товарищей, но и конвойных.

Так спокойно и весело проехали они часть пути, до города Киренска.

Здесь, как и раньше, произошло свидание с местными ссыльными.

Едущие преспокойно разгуливали по городу, заходили в гости к живущим здесь товарищам. Все это чрезвычайно не понравилось местному начальству, и жандармскому ротмистру, сопрово-

ждавшему партию, было сделано замечание, что он «распустил» партию.

Вероятно, кроме того, ему пригрозили доносом, потому что с этого момента его поведение совершенно изменилось.

На первой же остановке паузок причалил к противоположному от селения берегу, и в селение было разрешено поехать только двоим товарищам за продуктами. Местным ссыльным тоже запрещено было устраивать встречу.

Едущие возмутились.

Детей теперь на паузке не было, так как все семейные сошли в Киренске, и партия решила протестовать.

Товарищ К. Попов так описывает этот случай:

«Мы под видом прогулки все вышли на берег, развели костер и, когда вечером нас пригласили взобраться на паузок, мы отказались, заявив, что, в виду отказа в свидании с товарищами из колонии, мы дальше добровольно не поедем.

Ожидали распоряжения усадить нас силой, но его не последовало.

Офицер поставил поодаль нас стражу и предоставил нам право ночевать на берегу, очевидно, решив, что утро вечера мудренее.

Мы провели очень милую ночь в своем небольшом кружке в 14 человек за время пути сблизившихся товарищей.

Ночь была темная и теплая, перед нами темнела полноводная, спокойная Лена.

За нами в нескольких шагах подпимались горы и густой лес.

Стража была малочисленна и не бдительна. Можно было легко бежать. Но куда? Кругом на тысячи верст тайга. К побегу ничего не приготовлено, никаких связей. И никому мысль о побеге не приходила в голову.

Вокруг костра шла оживленная беседа: то воспоминания, то анекдоты, то отрывки художественных произведений. Душой был Шанцер. Как всегда, он имел неистощимый запас веселых историй, которые прекрасно рассказывал.

Как стало совсем светло, мы сварили чай, напились.

Нас никто не тревожил.

Наконец, из офицерского паузка вышел старшой, и смущенно выглянул и спрятался старик офицер.

Старшой — молодой унтер-офицер — с добродушной улыбкой подошел к нам.

— Надо ехать, — сказал он.

— Не поедем, — ответили мы в несколько голосов, тоже с улыбкой.

— Придется вешь силой вас посадить, — так же добродушно и несколько лениво проговорил унтер.

— Садитесь сами, не поедем, — отвечали мы в тон.

Сгрудившись вместе, мы взялись под руки.

Двенадцать мужчин и две женщины.

Человек двадцать солдат идут на нас с винтовками, но не в штыки.

Сильнее нас, ослабевших в тюрьме и безоружных, они по двое берутся за каждого из нас, отрывают друг от друга и тащат.

Тех из нас, кто упирается, солдаты подбадривают сзади прикладами, но вежливенько, тащат на сходни, вталкивают нас на паузок.

К концу солдаты, приходят в азарт, сильнее бьют прикладами, ругаются чаще, тащат грубее; и потом, когда все уже на носу, проталкивают всех нас гурьбой через узкие двери. Трещат у нас кости, кое-кто вскрикивает от боли, но и тут в общем вежливенько.

«Наконец, мы внутри паузка, и впервые за все время за нами запираются двери

Мы в полутемном помещении. Все злы, но не столько на далеко не щедрые пинки и удары, сколько на самих себя, на свой собственный протест, вылившийся в какую-то комедию

От этого первые минуты все молчат, а потом чуть не плачут.

Шанцер был особенно недоволен всем этим «протестом»

Он увлекся в борьбе с конвоем и не только отбивался сам, но тащил из рук солдат товарищей.

При любви к нему конвойных он совершенно не пострадал бы, если бы держал себя спокойнее. Но спокойным при виде борьбы Виргилий Леонович не мог оставаться.

Он серьезно сопротивлялся, и солдаты серьезно его помяли Правда, на другой день они извинялись перед ним, но от этого было не легче».

Партия довольно долго просидела под замком, а потом ей было заявлено, что вперед вообще прежние вольности отменяются, не будет свиданий, не будет прогулок на остановках. Запрещалось даже выходить на палубу.

Ссыльные об'явили голодовку. Партия ехала на своем коште, т.е. сама закупала и готовила себе пищу. К. Попов так описывает эту голодовку.

«Все запечатали в ящике Потушили неугасимый костер на носу паузка и, к изумлению нашего конвоя, голодали самым добросовестным образом.

Голодовка на реке, на свежем воздухе гораздо более трудная вещь, чем в тюрьме Но выносили мы ее бодро — и мужчины и женщины

Однако, к четвертому дню голодовки две из наших женщин (обе туберкулезные) слегли. У одной открылось кровохарканье.

Настроение стало падать. Кто-то из нас, ссылаясь на болезнь женщин, поднял вопрос не о прекращении голодовки, а о новых переговорах с офицером, с указанием на нашу твердость и опасное положение больных.

Офицер, встревоженный происходящим, заявил, что, если партия не настаивает на свиданиях, которые не в его власти, то на все остальное он согласен.

Голодовку решили прекратить.

Затрещал огонь, и все с увлечением принялись варить манную кашу и какао.

В это время паузок причалил к Олекминску. Еще через полчаса партии об'явили, что путешествие все окончено и что она впредь до нового распоряжения остается жить тут.

Однако, временное пребывание превратилось в постоянное, и партию дальше никуда не переправили».

Виргилий Леонович, как всегда, с головой вошел в жизнь колонии, участвовал в различных кружках, как их руководитель. По своему обыкновению, он вел занятия с ссыльными рабочими, стараясь сделать их более сознательными и сильными работниками.

Как и в Ачинске, он щедрой рукой раздавал все, что имел, нуждающимся товарищам.

В это время Виргилий Леонович женился на Н. Ф. Никифоровой.

Н. Ф. была так же предана делу революции, как и Виргилий Леонович, и всеми силами помогала работе мужа, но она недолго оставалась в Олекминске и скоро уехала обратно в Россию.

По ее от'езде Шанцер продолжал так же энергично вести занятия в кружках, но сильно тосковал по воле.

И все же, когда 11 августа 1904 года он получил по царскому манифесту свободу, он отказался принять эту «милость».

Отказался потому, что освобождение давалось не всем ссыльным, а только некоторым.

Шанцер считал невозможным для себя уехать, бросив товарищей томиться в ссылке.

В своем заявлении об отказе он требует освобождения всех и заявляет, что, выйдя на свободу, «останется таким же революционером, как и был».

Такой отказ от царской милости был подан и некоторыми другими товарищами, с требованием распространить «милость» на всех ссыльных.

Это заявление имело успех, и все ссыльные, бывшие с ним, были освобождены.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА.

ГЛАВА I

Возвращение из ссылки к работе в партии

После освобождения из ссылки Шанцер приехал в Одессу.

Здесь он встретил старых партийных товарищей, которые разделились за время его отсутствия на два враждовавших лагеря большевиков и меньшевиков.

И те, и другие горячо убеждали Шанцера примкнуть к ним, так как каждой группе хотелось иметь на своей стороне такого ценного работника.

Виргилий Леонович сперва внимательно выслушал тех и других, а затем заявил

— Погодите, я сам разберусь.

На время Шанцер совершенно перестал появляться среди товарищей, заперся у себя в комнате и с головой ушел в чтение книг, брошюр, и газет, появившихся за время его отсутствия. Он хотел детально изучить, вникнуть в причины раскола, чтобы решить так остро стоящий перед ним вопрос «с кем итти?»

Раскол партии произошел на II партийном с'езде в Лондоне в 1903 году

Многие вопросы не встретили единодушного решения собравшихся, но особенно раскололось мнение с'езда по трем следующим вопросам о

членстве, централизации и отношении к либеральной буржуазии.

В И Ленин настаивал на том, что членом партии может быть лишь тот, кто принимает активное участие в работе одной из партийных организаций, в противовес предложению Мартова,—считать членом партии каждого, оказывающего партии личное содействие.

Коротко говоря, Владимир Ильич настаивал на полном разграничении «болтающих» от «работающих», чтобы избежать неопределенности, расплывчатости, мешающей серьезной работе партии

Далее тов Ленин настаивал на полной централизации и твердой дисциплине, тогда как часть съезда считала это излишним

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации».

«Безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий победы над буржуазией».

По вопросу о централизации верх одержал Ленин—большинство было за ним, отсюда и пошло подразделение на «меньшевиков» и «большевиков».

Большие разногласия вызвал вопрос об отношении к либеральной буржуазии.

«Поскольку буржуазия выступает против царя, мы будем ее поддерживать, но мы не должны забывать, что этот класс—наш враг». (Ленин[1])

Мартов и его сторонники не хотели так резко ставить вопрос и были склонны жить услугами буржуазии.

Хотя партия формально осталась единой, фактически она распалась на две, и в дальнейшем расхождения не только не сгладились, но росли

[1] Зиновьев История Р К П. стр. 148

все глубже, приведя к полному расколу, в 1917 году—к открытой борьбе.

Вот над этим начавшимся расколом размышлял Виргилий Леонович, запершись у себя в комнате, и когда через некоторое время он снова появился среди товарищей, то заявил, что решительно и бесповоротно стоит на стороне большевиков. И приняв это решение, Виргилий Леонович не изменил ему до конца жизни.

В сентябре 1904 года он приехал в Москву и уже через несколько дней вошел в качестве сотрудника и редактора в рабочую газету «Голос Труда». Шанцер сразу стал душою всего дела, и газета ожила под его умелым и заботливым руководством.

Впоследствии он руководил газетой Московского комитета «Рабочий».

Тов. Шанцер весь с головой ушел в партийную работу. Наконец-то настало давно желанное время, когда Виргилий Леонович мог всю свою кипучую энергию, всю огромную трудоспособность направить на революционную работу.

Он настолько отдался этой работе, что, когда ему предложили поехать в Лондон на III съезд партии, он отказался, говоря, что его присутствие на работе здесь более необходимо, чем на съезде.

III съезд партии был созван по настойчивому требованию большевиков. Чувствуя приближение революции, они считали необходимым решить ряд вопросов, чтобы в нужный момент быть готовыми, встать во главе революционного народа.

III съезд еще сильнее обнаружил расхождение между большевиками и меньшевиками, главным образом, по вопросу о роли рабочего класса в революции.

Еще до съезда меньшевики писали в «Искре», что в предстоящей революции имеются две бо-

рющиеся силы — самодержавие и либеральная буржуазия. Рабочий класс никакого самостоятельного значения в этой борьбе иметь не может и должен лишь помочь либеральной буржуазии «и, ни в коем случае не запугивать (их) пред'явлением своих самостоятельных пролетарских требований» [1]

Ленин, отвечая меньшевикам писал, что «кроме этих двух сил, есть еще одна — громадная, решающая, суверенная — рабочий класс, который сорганизовался и который, несмотря на то, что его партия в подполье, что его бьют на каждом шагу в три кнута, все-таки является главной движущей силой революции...

Вы забыли, что пролетариат имеет свою самостоятельную задачу, а не только выбор... либо царская монархия, либо либеральная конституция. Вы забыли, что у него есть свой путь, ведущий к соединению с крестьянством, к настоящей народной революции, которая вырвет с корнем монархию и выжжет калёным железом остатки феодализма и будет первым шагом к подлинной пролетарской революции»)

III с'езд в большинстве своем разделял взгляды В. И. Ленина на самостоятельную суверенную роль рабочего класса в надвигающейся революции, выдвинул вопрос о вооруженном восстании, которым должна руководить партия. Причем, впервые дана была теоретическая разработка этого вопроса в связи с вопросом о всеобщей забастовке.

Меньшевики в противовес III с'езду созвали свою конференцию, которая подчеркивала буржуазный характер надвигающейся революции и очень неясно толковала о роли партии в случае стихийного вооруженного восстания.

[1] Зиновьев. Ист. Р. К. П., стр. 170

После с'езда Виргилий Леонович был назначен агентом Центрального комитета партии в центральном районе России.

Необходимо было устанавливать связь с имевшимися в разных городах социал-демократическими организациями и направлять их работу.

Дело было чрезвычайно трудное и ответственное, но Виргилий Леонович прекрасно с ним справлялся.

Эта работа, однако, не вполне удовлетворяла его. Виргилия Леоновича тянуло к массам, к непосредственному общению с рабочими.

И он всегда бывал очень доволен, когда ему удавалось выступать самому где-либо на фабричном митинге или собрании, где его пламенные речи находили горячий отклик среди слушателей.

ГЛАВА II.

Революция надвигается.

Неудачная война с Японией, разорявшая страну, пробудила народ от его тупой покорности.

Рабочие и крестьяне, замученные кабалой и работой на помещиков и капиталистов, жадно искали ответа на мучительный вопрос о том, где искать выхода из создавшегося положения, так как жить попрежнему нехватало больше сил.

Копившееся десятками лет недовольство готово было хлынуть через край — близилась революция 1905 года.

Началом ее считают 9 января, когда кровавая расправа с мирной демонстрацией рабочих навсегда убила в народе веру в царя, надежду при помощи царской милости улучшить тягостную жизнь.

Страна ответила на расстрел 9 января рядом забастовок. Возмущение и протест, выразившиеся

в них, не только не затихали со временем, а разгорались все сильнее и сильнее.

К осени вся Россия была охвачена волнением. По деревням крестьяне жгли барские усадьбы и забирали помещичьи земли.

По городам шли забастовки рабочих.

Особенно беспокойно было в Москве. 12 сентября здесь забастовала большая текстильная фабрика бр. Шаповых. Через несколько дней бросили работу бумаго-ткачи фабрики Севостьянова, потом забастовали булочники, швейцары и, наконец, типографские рабочие.[1]

С сентября же в университете и др. высших учебных заведениях начались беспрерывные митинги и собрания, на которых раздавались призывы поднять вооруженное восстание и свергнуть царя.

На этих митингах присутствовали массы рабочих.

Они приходили сюда прямо после работы и просиживали до глубокой ночи, жадно прислушиваясь к речам ораторов.

Тут же на улице по выходе с митингов шел сбор на партию, на оружие.

Один из участников пишет в своих воспоминаниях.

«Первый сбор превзошел все ожидания. Помню, как двое студентов, стоявших у входа, собирали деньги сначала в шапки, а потом, когда шапки быстро переполнились, а дающей публики осталось еще много, они достали где-то длинный, широкий мешок и держали его распростертым, как скатерть; публика с величайшей охотой и радостью бросала туда свои даяния.»

Жертвовали не только деньги, но и кольца, брошки

[1] А. Шестаков. Октябрьская стачка 1905 года

Между тем, стачка росла и к началу октября охватила ряд предприятий Москвы.

Не раз рабочие вступали в схватку с полицией, жандармами и казаками. Были убитые и раненые с обеих сторон.

Вся рабочая Москва волновалась и кипела.

Забастовочное движение охватило и железнодорожников. В ночь на 7 октября забастовала Московско-Казанская железн. дорога. В последующие дни к этой стачке стали примыкать и другие дороги.

Тогда Московский комитет партии социал-демократов (большевиков) решил об'единить эти случайные, отдельные выступления рабочих в одну всеобщую забастовку с политическими требованиями.

Одним из главных руководителей Московского комитета был в то время В. Л. Шанцер.

Товарищи так вспоминают о его тогдашней работе:

«Виргилий энергично и неутомимо работал в Московском комитете.

Поспевает на все митинги и собрания, всех заражает своим «ораторским энтузиазмом».

С твердой уверенностью говорил он о победе революции.

С октября тов. Шанцер развернулся во-всю.

Он полон бурной клокочущей энергии, полон веры в дело революции.

Выступления его кратки, резки.

Борьба против все и вся, что мешало проведению и развертыванию революции.

Шанцер целиком отдался работе партии, буквально не было тогда ни одной стороны работы, которой бы он не касался.

Это был человек, который пользовался у всех авторитетом и уважением, вокруг которого не было ни ссор, ни раздоров.

Каждый считал своим долгом выполнить то, что ему поручал Виргилий Леонович.

Являясь руководителем и вдохновителем всей Московской организации, т. Шанцер проявлял удивительную скромность и простоту по отношению к товарищам. Не было в нем никакой важности, партийного «генеральства».

Он входил во все дела партии, не гнушаясь никакой мелкой, черной работой».

Необыкновенно хорошо было его отношение к рабочим.

Об этом рассказывает тов. Седой, бывший в то время одним из передовых рабочих, ведших большую партийную работу

При первом же знакомстве с т. Шанцером, его поразила та необыкновенная теплота и задушевность, с которой отнесся к нему Виргилий Леонович, то сердечное участие, которое он проявил ко всем его огорчениям и неудачам.

Когда тов. Седой вскоре после этого попал в тюрьму, Виргилий Леонович не только не забыл о нем, но ухитрился передать ему несколько записок и достал денег для его освобождения.

С рабочими он говорил особенно просто и хорошо. Тот же товарищ Седой рассказывает:

«В моей памяти не сохранилось человека, который мог бы говорить так же ясно, просто, толково и убедительно, как Виргилий Леонович,—говорить русским языком о самых сложных вещах, примешивая иностранные слова чрезвычайно редко»

10 октября Московский комитет постановил объявить всеобщую политическую забастовку — с 12 часов дня 11 октября.

На следующий день ровно в 12 часов дня раздался хор тревожных гудков и свистков

Бросив работу, рабочие выходили на улицы, собирались толпами и шли снимать с работы еще работавшие товарищей.

Вечером Москва была неузнаваема.

Громадный город был погружен в темноту, на улицах не было обычного шума и движения.

Среди мрака и тишины раздавался только гулкий топот ног. Это толпы бастующих рабочих бесконечной вереницей шли к высшим учебным заведениям, где непрерывно в течение дня и до глубокой ночи шли митинги.

В эту всеобщую октябрьскую стачку настроение рабочих было очень боевое, и дело едва не дошло до вооруженного восстания. Отдельные вспышки, впрочем, происходили то тут, то там (Екатеринослав, Харьков и др.).

Одно время и в Московском университете также были моменты готового вспыхнуть вооруженного столкновения.

Ворота университета были забаррикадированы, вся мостовая во дворе была взрыта, и булыжники сложены в несколько куч, как боевой материал.

Все, имевшие огнестрельное оружие, брались на учет,—их набралось около 400 человек.

Отдельно брались на учет те, кто имел холодное оружие.

Были сорганизованы особые отряды «палочников», вооружение которых состояло из железных перекладин от садовых оград.

Университетский двор стал похож на военный лагерь. Всюду горели костры, везде около костров группы беседовали, пекли картошку.. Появились врачи, сестры милосердия в белых халатах, со значками Красного Креста.

Словом, все было готово к бою.

Шанцер, поспевавший всюду, появился и здесь вместе со Станиславом Вольским

Виргилий Леонович был недоволен этой затеей, предпринятой без санкции Московского комитета партии (б-ков).

Один из товарищей, бывших в это время в университете, рассказывает.

«Шанцер грозно смотрел на меня сквозь пенсне С. Вольский спросил.

— Что за глупости вы тут делаете?

Оба они долго пробыли внутри двора» [1].

Через день вся эта затея была ликвидирована без столкновения с войсками Вооруженные революционеры ушли из университета на почетных условиях — у них осталось оружие

Из Москвы стачка перебросилась в другие города и понеслась по всей стране

Забастовали все железные дороги, бездействовали почта и телеграф, остановились фабрики и заводы Повсюду выставлялись требования созыва учредительного собрания, гражданских свобод

И тогда испуганное дружным ходом всеобщей забастовки самодержавие пошло на уступки. 17 октября царь издает манифест, обещающий стране избирательное право в Государственную думу и некоторую политическую свободу.

Давая одной рукой «манифест» о свободах, другой рукой царское правительство сорганизовывало черные сотни и выпустило их против бастующего рабочего пролетариата.

Во многих городах были сотни и тысячи убитых и раненых. Озверевшие царские наемники устраивали дикие погромы беззащитной бедноты

А в самой Москве революция потеряла одного из своих лучших борцов — тов. Баумана, убитого черносотенцем на улице, на второй день после об'явления манифеста, 19 октября

[1] Орлов „Из пережитого“, стр. 210

Труп тов. Баумана внесли в техническое училище. комната быстро наполнилась народом, и здесь среди жуткой тишины, прозвучали прощальные речи.

Первой говорила жена убитого.

Не плакала, не жаловалась она у дорогого трупа, боль и гнев звучали в ее словах.

Она призывала мстить за погибшего борца, бороться за вырванную свободу.

Говорил у тела погибшего и тов. Шанцер

Если Виргилию Леоновичу был дорог каждый член партии, которого он едва знал, то как дорог был ему этот любимый всеми товарищ, на которого партия возлагала столько надежд. Потрясенный его гибелью, Шанцер вложил в свою речь всю великую любовь и ненависть, жившие в его горячем сердце.

Это была одна из лучших его речей, произведшая незабываемое впечатление на всех присутствующих.

Похороны Баумана происходили 20 октября.

Никогда Москва не видала еще такого зрелища. Более 100.000 рабочих по призыву М. К. большевиков явились проводить тело погибшего товарища.

На кладбище все попасть не могли, прошли только делегаты и близкие друзья.

У могилы собралось сотни две народу.

Стояла такая тишина, что каждый слышал дыхание соседа.

Ярко горят факелы. Начинаются речи, короткие, сильные. Жена Баумана призывает товарищей поклясться продолжать борьбу и отомстить за всех павших.

— Клянемся!—отвечают товарищи.

Говорит Шанцер, и каждое его слово заставляет сильнее биться сердце, пробуждая в нем бесконечную скорбь по умершему и бесконечную ненависть к убийцам,

ГЛАВА III

Подготовка к вооруженному восстанию.

Первые же дни после издания манифеста показали, что царь добровольно не отдаст обещанную свободу, что ее нужно завоевать с оружием в руках.

Мысль о вооруженном восстании, родившаяся у рабочих после расстрела 9 января, крепнет все более, и с лета 1905 года во многих городах рабочие начинают запасаться оружием.

Московский комитет партии большевиков также начинает закупать оружие.

Дело это было далеко не легким. Правительство запрещало гражданам иметь оружие и жестоко преследовало тех, у кого его находило, но рабочие настойчиво организуют «боевые дружины», обучаются стрельбе и военному строю, выезжая для этого за город, подальше от глаз полиции. И чем дальше, тем смелее и решительнее шла подготовка к вооруженному восстанию.

Сигналом к нему послужил арест Петербургского совета рабочих депутатов, который являлся как бы штабом революции.

Арестовав его, правительство бросило вызов всему революционному народу.

Первым приняла этот вызов Москва.

Во главе Московского комитета большевиков попрежнему стоял В. Л. Шанцер.

Широким массам рабочих он был мало известен, так как ему, перегруженному работой в центре, редко приходилось выступать на больших митингах и собраниях.

Но зато передовые рабочие, ведшие ответственную партийную работу по фабрикам и заводам, знали его очень хорошо.

Седой рассказывает, что в тяжелые минуты, когда он не знал, как ему поступить, как ему направить свою работу среди рабочих, он всегда обращался к Виргилию Леоновичу и всегда находил у него совет и поддержку.

Так же поступали и все другие рабочие-передовики. Шанцер инструктировал их всех.

«Эти инструктирования,— вспоминает т. Седой,— происходили как-то по-особенному, очень просто и увлекательно.

По тому, как он выслушивал наши ошибки, наивные вопросы, по тем ответам, которые он давал, даже по выговорам, которые мы иногда от него получали, мы всегда чувствовали в нем лишь старшего, близкого нам товарища».

Руководя работой Московского комитета, Шанцер не отрывался от рабочих и всегда чутко прислушивался к их мнениям.

Часто перед серьезными выступлениями на собраниях комитета он предварительно беседовал с рабочими, представляя их критике свои предложения и сомнения.

Еще за несколько дней до ареста Петербургского совета, Шанцер поставил на обсуждение кружка рабочих-передовиков вопрос о вооруженном восстании.

Большинство рабочих отнеслось к вопросу отрицательно.

«Я помню,— рассказывает тов. Седой, бывший против предложения Шанцера,— как он все время старался доказать неизбежность этого шага, горячо убеждая, что при начале восстания расчеты не всегда бывают правильны. Все зависит от энергии, обстановки и умелого поведения восставших.

Страна слишком взбудоражена, чтобы остановиться в своем революционном движении.

Восстание должно начаться в центре.

Но петербургские рабочие не могут этого сделать, они ослабли в борьбе, да и слишком сильно в Петербурге правительство.

Сильны там и другие партии, противящиеся революции

«Восстание должно начаться—в Москве!»

«Если,—говорим Шанцер далее,—мы к своим лозунгам «Долой самодержавие», «Да здравствует вооруженное восстание», присоединим еще лозунг «Земля—трудящимся», то это привлечет к нам внимание всех и даст нам возможность победы».

Виргилий Леонович говорил мягко, но категорически, и все чувствовали, что он скорее погибнет, чем откажется от своего решения

Предвидя неизбежность вооруженного восстания и стоя всей душой за него, Шанцер был очень осторожен и считал невозможным начать его без основательной подготовки. Поэтому, когда в конце ноября в одном из полков, стоявших в Москве, Ростовском, вспыхнуло восстание и некоторые товарищи предлагали воспользоваться этим моментом, чтобы поднять вооруженное восстание, Шанцер решительно высказался против этого

В своих воспоминаниях г Васильев-Южин[1] рассказывает об этом случае так:

«Это было 27 ноября. Московский комитет большевиков собрался почти в полном составе на заседание, которое происходило на одной из конспиративных квартир Вдруг в комнату, где происходило заседание комитета, вбегает крайне взволнованный и несколько расстроенный наш военный организатор

— Товарищи—восстание! Почти восстание!

— Какое восстание? Где?..

[1] Васильев-Южин. Московский совет рабочих депутатов в 1905 г. М. 1925 г., стр 55—60.

— В полку . В Ростовском полку!

— Да говорите же толком.

Несколько успокоившись, он рассказал нам, что знал. В Ростовском полку «солдаты захватили винтовки и патроны, а также имевшиеся в полку пулеметы .. офицеры трусливо бежали из казармы». Часовые не пропускают внутрь никого из начальства, все же представители революционных партий имеют свободный проход в казармы, и там целый день идут митинги.

Московский комитет стал горячо обсуждать создавшееся положение.

По докладу военного организатора о настроении войск в Москве выяснилось, что настроение солдат, хотя и сочувственное, но на активную поддержку рассчитывать трудно.

Товарищ Васильев предлагал использовать восстание в Ростовском полку для об'явления вооруженного восстания. Но Шанцер и еще некоторые члены М. К. были решительно против, ссылаясь на неудачи частичных восстаний (Кронштадт, Севастополь).

Тов. Шанцер предложил немедленно известить Ц. К. партии о положении дел в Москве и ждать указаний из Петербурга. А до тех пор всеми силами удерживать Ростовский полк в положении готовности к выступлению.

Большинство было за предложение т. Шанцера.

Вечером того же дня состоялось заседание совета рабочих депутатов.

В совет пришли представители от сапер и заявили вышедшему к ним т. Васильеву о своей готовности присоединиться к Ростовскому полку.

«Мы уже запаслись патронами. Под нашим караулом большой арсенал, в любой момент мы можем его передать вам. Присылайте надежных рабочих».

— Сколько у вас солдат?—спросил я

— Тысячи две наберется.

— И все пойдут за вами?

— Думаем, что все

— Подождите минуточку, я переговорю с другими товарищами.

Немедленно озвал я Марата (В Л Шанцера) и передал ему свой разговор о саперами»

Тов. Васильев предлагал Шанцеру немедленно вызвать военного организатора, устроить экстренное совещание и разрешить вопрос о начале вооруженного восстания

«Это надо привести в исполнение в течение суток. Даже за эту ночь мы можем сделать очень многое. Решайся, Виргилий!

Марат, казалось, заколебался, но, подумав минуту, он отрицательно покачал головой

— Нет, не уведомив Петербург, я не могу решиться на такой шаг. Да и Комитет подавляющим большинством отверг твое предложение. .

Шанцер был у нас в комитете представителем Ц К Он пользовался у нас заслуженным уважением и авторитетом.

Действовать без него или помимо него для меня было невозможно».

Не встретив сочувствия у Московского совета, саперы не присоединились к Ростовскому полку, и через несколько дней восстание в нем было подавлено.

ГЛАВА IV

«Драться надо».

3 декабря был арестован Петербургский совет, а 5 декабря состоялось собрание Московской организации партии для решения вопроса о вооруженном восстании.

Настроение конференции было напряженное

Все чувствовали, что наступила роковая минута, когда предстояло решить судьбу первой русской революции.

Перед всеми стоял вопрос уступить ли врагу, или ринуться в неравный бой, почти без надежды на победу?

Необходимо было выбрать достойного председателя для такого важного собрания.

Были выставлены два кандидата т. т. Шанцер и Седой.

«Я помню,—рассказывает т. Седой,—как Шанцер не желал взять этого председательства.

Взволнованный, поблескивая своими черными очками, он подошел ко мне на трибуне и громко потребовал, чтобы я открыл собрание.

И только после настойчивых требований группы рабочих, поддерживавших мое заявление, что «председателем собрания будет он», Шанцер согласился председательствовать».

Неистовый Виргилий был за восстание, но тут он, видно, хотел, чтобы решение это вынесли сами рабочие, на плечи которых падала вся тяжесть этого решения.

Вот как описывает это собрание один из его участников[1]

«Большая зала реального училища.

На эстраде деятели большевистской фракции Р.С.-Д.Р.П. Первое место занимает Шанцер-Марат. Вижу его всклоченную голову.

Взъерошенный, наклоняясь слегка вперед, он полон энергии. Нервные жесты, страстные речи.

Весь отдался борьбе.

---

[1] „Декабрьское восстание в Москве", под ред. Овсянникова, стр. 264.

Чуть поодаль от него т. Седой. Здесь же Станислав Вольский и еще много самоотверженных товарищей...

На обсуждение поставлен вопрос о вооруженном восстании. Рабочие горячо и настойчиво доказывают необходимость выступления.

Со стороны их речи могли казаться какой-то дерзостью, революционным безумием, так как даже представители крупных заводов говорили:

— Огнестрельного оружия 2—3 револьвера на сотню человек,—но тут же добавляли: зато рабочие куют кинжалы и пики.

— А пики хотя и плохое оружие, но драться надо!—добавляли другие.

Выступает «военный организатор». Он бледен и заметно волнуется.

Он говорит, что московские солдаты, даже казаки, даже офицеры стрелять в народ не станут.

Войска волнуются. Войска готовы перейти на сторону восставшего народа, но у них отобраны винтовки.

Две речи: «за» и «против».

Голосование...

Поднимается лес рук «за»...

Напутственная речь тов. Землячки.

— Здесь прозвучал похоронный гимн! Своим голосованием вы обрекли себя на смерть. Но вопрос решен. Те, которые голосовали против, тe умрут вместе с вами, товарищи! Вперед на бой! В районы!»

Решение партийной организации было подтверждено 6 декабря Московским советом рабочих депутатов, об'явившим с 7 декабря всеобщую стачку с переходом в вооруженное восстание.

Но Виргилию Леоновичу не пришлось принять в нем активное участие. Вечером 6 декабря он

был арестован еще с несколькими членами федеративного комитета

Подробности этого ареста передает в своих воспоминаниях тов Васильев

«Уже стемнело, когда мы с Маратом пошли на собрание информационного бюро.

Город был окутан угрюмым мраком, все электрические и газовые станции забастовали, и на улицах не светилось ни одного фонаря.

В окнах домов тускло мерцали свечи и керосиновые лампы На улицах и площадях бросалось в глаза почти полное безлюдие. Все магазины, лавки, даже ларьки были наглухо закрыты, а на привычных постах не встретили ни одного городового.

Невольно чувствовалось разлитое кругом жуткое настроение тревоги и ожидания чего-то грозного и неизвестного.

А мы с Маратом физически наслаждались этим чувством надвигающейся грозы, которая при нашем участии не нынче-завтра должна была обрушиться на головы вековых насильников и палачей.

Марат всю дорогу делал шутливые замечания, я отвечал ему тем же.

Мы свернули за Страстной монастырь и стали пробираться темными улицами и переулками, еще более безлюдными и мрачными.

Вот, наконец, нужный нам дом Нас проводят в низкую комнату, слабо освещенную керосиновой лампой. Обычная обстановка бедной квартиры маленького чиновника, старая истертая мебель, покосившаяся этажерка.

Скоро собрались остальные товарищи (члены федеративного комитета). Один из них принес сверток около сотни экземпляров № 1 «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов». Мы с жадным интересом расхватываем их От газеты еще пахнет типографской краской Прежде всего

бросается в глаза напечатанный крупным шрифтом аншлаг:

«Московский Совет Р Д., группа РС-ДРП и Комитет С-Р постановили об'явить в Москве со среды 7 декабря с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перенести ее в вооруженное восстание»..

Товарищ принес материал для следующего № «Известий».

Это, в большинстве случаев, короткие статьи, заметки и воззвания, написанные рабочими

Многие из них написаны безграмотно, но все они горят пламенным энтузиазмом, насыщены неутомимой жгучей жаждой боя и победы.

Отбираем лучшие, но жаль бросать остальные

Пришел представитель железнодорожного союза.

— Как обстоит дело с забастовкой на железной дороге?

— Забастовали все, кроме Николаевской.

Известие это тревожит всех.

Мы решили бросить на следующий день на Николаевскую дорогу возможно больше сил, и если не удастся остановить движение, то принять меры к порче мостов и железнодорожного пути.

Было уже поздно и нужно было расходиться, неожиданно представитель железнодорожного союза сообщил, что, вероятно, он более не сможет притти, т к. его арестуют

— Я заметил, что за мной ходят шпики, вероятно, и теперь ждут меня у ворот.

Товарищи стали постепенно расходиться

Тов. Марат и еще некоторые задержались немного, чтобы сговориться относительно предстоящей каждому работы и условиться относительно заседаний федеративного комитета

Вдруг в соседней комнате послышались голоса, топот многочисленных ног.

Мы в тревоге вскочили. В открытую дверь выставились винтовки и раздалась команда

— Ни с места! Руки верх! . Стрелять будем!

Я сгоряча схватился за револьвер, но стоящий рядом Марат удерживает меня.

В самом деле, сопротивляться было невозможно

Неприятель, видимо многочислен и хорошо вооружен, а нас всего 7 человек и вооружены мы только револьверами, да и то некоторые товарищи оставили их в пальто.

— Ладно, делайте свое дело. Мы не станем сопротивляться,—громко сказал, кажется, Марат.

Комнату заполнили десятка полтора вооруженных винтовками городовых.

В прихожей и других комнатах тоже толпились вооруженные полицейские. Всего их было не менее 30 человек.

Нас схватили и начали обыскивать, опустошая наши карманы.

В первую очередь, конечно, отобрали револьверы.

Полиция, очевидно, предполагала встретить ожесточенное сопротивление, ибо городовые, обыскивая нас и комнату, очень волновались.

Они долго, например, не решались коснуться стоявшей на этажерке шкатулки, полагая, очевидно, что это какая-нибудь адская машина или сложный снаряд. Привели их в большое смущение и остатки чугунного снаряда, привезенного, как оказалось, хозяином из Севастополя в качестве сувенира.

Все это невольно развеселило нас.

По особенно смеялись мы, когда при составлении протокола обыска оказалось, что вместо отобранных у нас 7 револьверов, налицо имелось

только 5,—2 револьвера, очевидно, присвоили себе производящие обыск городовые.

Нужно заметить, что в это время цены на револьверы стояли в Москве очень высоко.

Надо полагать, что присвоившие наши револьверы городовые хотели спустить их нашим же товарищам-социалистам

Мы, смеясь, стали настаивать на внесении в протокол факта исчезновения двух револьверов, утверждая, что у нас их было семь

Жандармский ротмистр, руководящий арестом, казался очень смущенным

Отобрано у нас было более чем достаточно для отправки нас на виселицу, и мы отлично понимали серьезность нашего положения.

Мы не были даже уверены, что нас не перестреляют немедленно же, выведя из квартиры на улицу

Поэтому мы сердечно простились друг с другом, когда нам предложили одеваться и выходить.

Если бы нас арестовали несколькими днями позже, с нами, вероятно, так бы и поступили

Немало товарищей и даже просто непонравившихся почему-либо полиции граждан погибло таким образом в Москве и ее окрестностях в дни восстания. Но нас усадили в закрытую полицейскую карету и отвезли в Таганскую тюрьму в сопровождении конного конвоя.

— Да здравствует революция! Да здравствует вооруженное восстание!—возбужденно крикнули мы, входя в ворота тюрьмы.

Нас рассадили по одиночным камерам.

Арест федеративного комитета тяжело отразился на ходе начавшегося вооруженного восстания

Московские рабочие остались без центрального руководящего органа, и каждый район был предо-

ставлен самому себе, тем более, что войска в первые же дни сильно затруднили сообщение по Москве.

Восстание было повсюду быстро подавлено, кроме Пресненского района.

Сюда стекались дружинники из захваченных войсками других районов, и «пресненская крепость» героически выдерживала многодневную осаду, пока не была буквально засыпана градом пуль и ядер.

Восстание было подавлено. Первая русская революция потерпела поражение, и над страной на долгие годы воцарилась жестокая реакция.

ЧАСТЬ III

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.
(1906—1911 г г)

ГЛАВА I.

Опять в ссылку.

Арестованный 7 декабря, Шанцер все восстание переживает в тюрьме. Невыносимо тяжело было на этот раз заключение для мятежного Виргилия.

Там, за стенами тюрьмы, шла борьба,—борьба, о которой он так страстно мечтал, борьба, к которой так горячо призывал он московских рабочих. А он бессилен принять в ней участие, бессилен помочь сражающимся товарищам.

Ему остается только прислушиваться к отдаленным выстрелам, да по лицам тюремщиков, по случайно долетевшим словам гадать о ходе восстания.

Более жестокой насмешки быть не могло

Если бы Виргилий Леонович был на свободе, он, конечно, сражался бы на баррикадах,—говорит Н Ф Шанцер.

Несомненно, пылкий Виргилий не сидел бы на месте в эти бурные дни.

До ареста он постоянно бывал среди рабочих Пресни, принимая самое деятельное участие в подготовке восстания.

Тяжесть заключения увеличивалась еще тем, что приходилось жить все время под угрозой расстрела, кроме того, Шанцера сильно тревожила

участь жены его Н. Ф., оставленной им накануне рождения ребенка.

Настроение Виргилия Леоновича было крайне напряженное и при первом случае вылилось в бурный протест.

В тюрьме произошло столкновение заключенных с тюремным начальством.

Из-за чего именно оно произошло—точно неизвестно.

Шанцер, как всегда, протестовал сильнее всех и поплатился больше всех.

Его жестоко избили, закутили в простыни и вынесли силой из Таганской тюрьмы для перевозки в Бутырскую.

После подавления декабрьского восстания тов. Шанцер был выслан на пять лет в Енисейскую губернию. Этот неожиданно мягкий приговор об'ясняется тем, что во время взрыва охранки, произведенного с.-р., погибли все документы по делу Московского комитета, и потому невозможно было устроить суд над его членами.

О жизни тов. Шанцера в этот период рассказывает живший с ним в ссылке тов. Кокушкин.

Еще на пути в ссылку т. Шанцер приобрел всеобщую любовь и уважение ехавших с ним ссыльных. «Он стал нашим старостой и энциклопедическим справочником».

В партии ссыльных были люди разных политических направлений, и потому при обсуждении политических событий возникали горячие споры.

Вообще, оценка только-что пережитой революции 1905 года со стороны большевиков и меньшевиков была различна, и в ней сказалась вся глубина их идейного расхождения.

«Не надо было браться за оружие»,—говорил Плеханов.

«Бывают поражения, которые ценнее иной победы. Нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие», — писал Ленин в своих «Уроках Московского Восстания»

Меньшевики считали революцию законченной и полагали, что дальнейшее развитие России пойдет мирным путем реформ

Большевики говорили, что революция не закончена, так как крестьяне и рабочие не получили удовлетворения своих существеннейших нужд, и надо готовиться к новой революции И каждый раз, когда спор среди ссыльных принимал особенно острый характер, спорщики обращались к тов. Шанцеру.

Никто лучше не мог разобраться в спорных вопросах, дать более обоснованное научное раз'яснение

На ст. Челябинск у партии с конвоем произошло крупное столкновение

Ссыльные не хотели останавливаться в Челябинской тюрьме и требовали, чтобы их сразу отправили дальше.

Нежелание остановиться в Челябинской тюрьме было вызвано тем, что тюрьма эта славилась своей грязью, ее так и прозвали «Челябинский клоповник»

Тов. Шанцер хорошо знал эту тюрьму по прежним этапам.

Он предупредил теперь об этом товарищей и решительнее всех противился остановке в Челябинской тюрьме.

«Я, как сейчас помню, — пишет т. Кокушкин, — как нас плотно сжал конвой

Публику с платформы станции разогнали и окружили нас кольцом конных казаков в помощь конвою

Начальник эшелона, после долгих переговоров с т. Шанцером и угроз, наконец, сказал, что «живыми или мертвыми», а он должен доставить нас в тюрьму».

Безоружным ссыльным, окруженным конвоем и казаками, пришлось при таких угрозах в конце-концов покориться и отправиться в кловонник.

Из Челябинска т. Шанцер с т. Кокушкиным и еще одним ссыльным были отправлены в село Каргино, Енисейского уезда.

Прослышав о том, что т. Шанцер — юрист, крестьяне стали заходить к нему за советами, а, увидав его доброту и приветливость, повалили гурьбой.

Квартира Виргилия Леоновича постоянно была полна крестьян, искавших у него совета и защиты.

Кроме работы с крестьянами, Шанцер, как всегда, вел большую работу с ссыльными: читал лекции, вел кружки.

Слушателями были не только товарищи Каргина, но и ссыльные ближайшего села, приходившие за 15 верст.

Поэтому, лекции эти устраивались попеременно то в Каргине, то в этом селе.

ГЛАВА II.

Бегство.

Несмотря на большую работу, заполнявшую все время, Виргилий Леонович страшно тосковал в ссылке.

Он рвался в Россию, где, ему казалось, силы его более нужны, чем в этом глухом уголке.

Мысль о побеге овладела им и Кокушкиным, и в конце сентября 1906 года оба решили бежать

Они подговорили хозяина избы, где они жили, и тот согласился довезти их до ближайшего города.

«Вечером, накануне побега, — пишет Кокушкин, — я начисто обрил т. Шанцеру его густую черную бороду и усы».

Они приготовили себе на дорогу паспорта, вышли они очень подозрительные, но делать было нечего, — в городе, куда ехали, они надеялись достать получше.

Выехали ночью. «Погода была плохая. С утра лил дождь и тьма была непроглядная. Проехав верст 25, мы услышали за собою звон колокольчиков и подумали, не за нами ли погоня? Скоро нас обогнала тройка. Мы уже хотели воротиться назад, но лошади устали, а до остановки впереди было версты три. Свернуть в сторону некуда, так как дорога одна. По обе стороны идет тайга, лес с болотами, и вдобавок — страшная тьма, так что нельзя рассмотреть, кто едет. Решили ехать до ближайшей остановки.

Как только мы въехали в улицы, наши лошади уперлись в тройку, обогнавшую нас, — она была поставлена поперек дороги.

К нашей повозке подошел урядник с зажженной свечкой и спросил:

— Кто едет?

Мы ответили, что мы приискатели (так называются люди, которые работают на золотых приисках).

Но в это время подошел возница с тройки и говорит:

— Это наши каргинские ссыльные.

Кокушкина он сразу узнал, Виргилия Леоновича узнать было трудно, и возница сильно не-

доумевал, когда и зачем исчезла густая борода Шанцера

У нас потребовали документы, которые мы обещали доставить, как только доедем до остановки. На улице, мол, неудобно доставать документы, промокнешь на дожде, и все равно скрыться мы никуда не можем

Пристав согласился, и мы заехали в первый крестьянский дом»

Первым делом они сожгли свои фальшивые паспорта, — уже очень они были плохи, и когда через несколько минут явился урядник, беглецы сказали ему что они ссыльные из Каргина и едут в больницу.

Но урядник не поверил, арестовал обоих и отправил в Енисейскую тюрьму

Тогда только-что бежал известный революционер Дейч, и погоня, поймавшая т Шанцера, была послана за Дейчем.

Урядник очень забавно допытывал у Виргилия Леоновича

— Да, ты не Дичь-ли этот самый будешь?

В Енисейской тюрьме беглецов продержали всего десять дней и, к великой радости, снова отправили в село Каргино

Недели через три Шанцер и Кокушкин снова бежали — и на этот раз удачно

Чтобы не возбудить подозрения, они заявили сотскому (начальник деревенской стражи), что едут на несколько дней в гости в соседнее село

И, действительно, отправились в это село, а уже из него бежали в Красноярск

Здесь прожили недели две, скрываясь у товарищей от взоров полиции, а затем выехали в Омск.

ГЛАВА III

Шанцер превращается в учителя Анания.

«Однажды, — рассказывает К. Попов, — сидим мы с несколькими товарищами на партийной явке[1] в Омске Вдруг входит высокий бритый человек Сразу узнал в нем Виргилия»

Товарищи задержали его в Омске для работы

Здесь надо было сдвинуть, ожнвить революционную подпольную работу, — а кто мог это сделать лучше Шанцера?.

Смастерили ему хороший паспорт, и Виргилий Леонович превратился в городского учителя Анания.

Ананий, как и ожидали того товарищи, сразу развернул работу партии

Под его руководством было создано несколько кружков пропагандистов, часто выступал Ананий и на митингах рабочих

Но скоро на одно из собраний партии по доносу явилась полиция и арестовала всех собравшихся 36 человек, в том числе — и В. Л Шанцера.

До суда арестованные три с половиной месяца просидели в тюрьме

И здесь, как всегда, Шанцер не терял ни минуты даром Он занимается с сидящими в тюрьме товарищами, устраивает совместную читку газет и беседы о политических событиях[2].

Виргилий Леонович поддерживает бодрое настроение заключенных своими остроумными, веселыми шутками и рассказами

[1] Явка—тайная квартира, где встречаются партийные товарищи

[2] Готовились выборы во 2-ю Государственную думу.

И как всегда, его окружает всеобщая любовь и уважение.

Наконец, начался суд. Так как среди арестованных было несколько человек нелегальных, которые не могли назвать себя, то решено было всем себя не называть и вообще отказаться от всяких показаний.

Во время разбирательства дела выяснилось довольно благоприятное отношение суда к арестованным, и тогда товарищи решили выпустить Шанцера-Анания «защитником».

Когда подсудимым было предложено сказать свое «последнее слово», т. Ананий сказал его от лица всех товарищей.

С обычным блеском и страстностью говорил Виргилий Леонович, защищая на этот раз самого себя и своих товарищей.

Речь произвела большое впечатление на судей, и приговор превзошел своей мягкостью всякие ожидания.

Подсудимые, ожидавшие каторги, получили всего месяц ареста и высылку «за устройство незаконного собрания».

По окончании суда прокурор подошел к т. Ананию и восхищенно заметил:

— А вы говорили сегодня, как настоящий адвокат!

По выходе из тюрьмы тов. Ананию предложено было выехать в какой-либо провинциальный город России. Виргилий Леонович выбрал Самару, и, отправившись туда, проехал прямо в Петербург, где и стал жить под именем Христофорова.

Шанцер снова весь отдается подпольной работе.

Из Петербурга ему часто по делам партии приходилось ездить в Финляндию для свиданий

с В. И. Лениным, скрывавшимся там от русской полиции.

В одну из таких поездок 8 августа 1907 года Шанцер был арестован на Финляндском вокзале. Наружность его выдала. Уж очень приметный человек был. Как там ни брейся, ни переодевайся, а размашистые манеры, быстрые движения, громкий голос слишком бросались в глаза.

Кроме того, на вокзале в это время дежурили специально вызванные из Москвы сыщики, хорошо знавшие Виргилия Леоновича.

ГЛАВА IV

Последняя ссылка и бегство за границу.

После ареста Шанцер снова высылается в Енисейскую губернию.

Сперва Виргилий Леонович был назначен к высылке в Туруханский край, но жене его Н. Ф. удалось выхлопотать смягчение приговора, в виду того, что она с маленьким ребенком следовала за мужем.

Добивалась же Н. Ф. высылки в Енисейскую губ., главным образом, потому, что оттуда было гораздо легче бежать, чем из Туруханского края.

Бегство же было решено еще в Петербурге.

Шанцер с семьей поселился в с. Богучаны, Енисейской губернии, на реке Ангаре.

Всю зиму жена прожила вместе с ним, а весной выехала в Россию, чтобы подготовить все необходимое к побегу.

Полиция давно косилась на Виргилия Леоновича, так как он, верный себе, принимал живое участие в жизни ссыльных, вел кружки, выступал

на собраниях и принимал ближайшее участие в побеге товарищей

И потому, как только Н. Ф. Шанцер уехала, полиция сейчас же об'явила Виргилию Леоновичу, что он высылается в Туруханский край за «революционную деятельность».

Высылка была назначена так поспешно, что Шанцер не успел получить от жены необходимых для побега вещей.

Посылка от Н. Ф. пришла уже после его от'езда и очень пригодилась оставшимся товарищам. В ней были подложные паспорта, удостоверения, деньги и адреса явок.

Все это было очень искусно зашито, заделано в самых невинных вещах — одежде, книгах и т. п.

Чтобы не возбуждать подозрения, посылка была адресована на имя местного священника, большого друга ссыльных.

Хотя Виргилий Леонович и не успел получить посылки жены, товарищи позаботились о нем и помогли ему бежать с дороги в Туруханский край.

Шанцеру предстояло несколько дней плыть на лодке по реке Ангаре до г. Енисейска.

Товарищи обещали приготовить на одной из остановок лодку, на которой Виргилий Леонович должен был бежать от конвоя.

Как всегда, у тов. Шанцера установились самые лучшие, дружеские отношения с конвоем.

Он развлекал солдат веселыми, остроумными рассказами и очаровал их своей простотой и добродушием.

Поэтому ему легко было уговорить своих спутников остаться ночевать на намеченной им стоянке.

Ночью он преспокойно перешел в приготовленную для него лодку и, пока стража мирно спала, успел от'ехать порядочное расстояние по реке.

На берег он выбрался в том месте, где начиналась старая заброшенная дорога к городу Канску

Шанцер поехал по ней, чтобы избежать погони.

По дороге он выдавал себя за богатого скупщика товаров и страшно гнал лошадей.

В Канске ему удалось благополучно сесть на поезд и доехать до Харькова, где жила Наталия Федоровна

Она еще не успела получить извещения о его бегстве, и потому велика была ее радость и удивление, когда однажды на дачу, где она жила, явился один из товарищей и заявил

— Поезжайте скорей в город, Виргилий приехал!

В Харькове Шанцер пробыл несколько дней. пока жена и товарищи хлопотали о его дальнейшем побеге.

Наконец все было готово.

Щегольски одетый, в какой-то тирольской шляпе, Виргилий Леонович под видом богатого барина сел в Харькове на поезд и доехал до Вильны

Там он отправился по имевшемуся у него адресу на конспиративную квартиру и в ту же ночь в сопровождении контрабандистов перебрался пешком через русскую границу [1].

---

[1] Переход через границу при помощи контрабандистов был обычным способом для бегущих из России революционеров.

ГЛАВА V.

Жизнь за границей, болезнь и смерть.

Виргилий Леонович сперва жил в Женеве, а потом в Париже.

В Женеве т. Шанцер работал вместе с жившим здесь В. И. Лениным. Оба они сотрудничали в редакции газеты «Пролетарий».

Кроме поддержки революционного настроения среди рабочих России, газета «Пролетарий» вела еще огромную борьбу за идейное возрождение партии.

В период реакции партия переживали острый кризис. Реакция, задавившая почти всякую возможность активной работы, породила внутри нее большие споры и разногласия.

Партия, как целое, почти перестала существовать, разделившись на группы, подгруппы, фракции.

Меньшевики в это время выдвинули лозунг полной ликвидации подпольной работы.

Подпольная работа невозможна, — говорили они, — и предлагали совершенно отказаться от нее. Надо приспособиться к легальному существованию, окорнав для этого, насколько потребуется, программу партии. Рабочие должны, главным образом, вести борьбу экономическую. Надо забыть о революции и итти путем реформ.

«Пролетарий» горячо возражал ликвидаторам, доказывая, что революция еще не закончена и одна экономическая борьба ничего не даст рабочим.

Борьба с ликвидаторами была особенно трудна потому, что среди самих большевиков не было единства и согласия.

Большевики в это время распались на несколько групп: отзовистов, ультиматистов, богостроителей.

Первые, в противовес ликвидаторам, отрицали для партии всякую возможность легальной работы и требовали отозвания членов партии из Государственной думы, профсоюзных организаций, рабочих клубов. Ультиматисты говорили почти то же самое.

Эти течения были очень опасны для партии, так как грозили превратить ее в узко-замкнутую группу, чуждую массам.

Богостроители пытались соединить марксизм с религиозным настроением.

«Пролетарий» горячо боролся и с этими левыми искажениями марксизма.

Каждая группа горячо защищала свои позиции, и споры часто принимали очень страстный и ожесточенный характер, особенно в эмигрантской среде.

Тов Шанцер принимал в них самое живое участие.

Товарищ Семашко, живший в то время в Женеве и часто избираемый председателем эмигрантских собраний, так описывает выступления Шанцера.

«С ним была сущая беда. Когда он брал слово, я чувствовал себя так же напряженно, как на самой сложной операции. Он гремел, распалялся, раскалял других, и температура собрания вскакивала до точки кипения.

Но тем не менее, странное дело, никто «не имел зла» против этого бурнопламенного противника. Ибо все мы понимали, что в нем клокочет революционное чувство, южная непосредственность и прямолинейность, что горячая любовь к делу заставляет его метать громы и молнии.

Вот почему все, не только со снисходительностью, но и с любовью относились ко всем его выходкам»[1].

Здоровье т. Шанцера, подорванное тюрьмою и ссылкой, сильно пошатнулось, и к концу 1910 г. он был уж безнадежно болен нервным расстройством.

В 1911 г. жена его с помощью П. Малянтовича стала хлопотать о разрешении привезти В. Л. в Россию.

Разрешение было дано, умирающий Шанцер не был уже страшен русскому правительству.

Вскоре после приезда — 24 января 1911 г. — Виргилий Леонович умер.

Болезнь и смерть товарища Шанцера была тяжелым ударом для партии.

Все чувствовали, какого горячего, сильного борца теряла в нем русская революция, какого на редкость прекрасного человека, друга теряли в нем товарищи.

---

[1] Семашко. Братская могила. Вып. II. Шанцер.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 25 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ·

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан,— Москва 34, Лопухинский пер., 5 тел 3-64-73

2) Магазин Издательства Политкаторжан „МАЯК"— Москва-Центр, Петровка, 7 тел 3-63 20 и 4-18-12